

исследовательский текст, параллельный авторскому. Они дают возможность «исправить» ошибки и неточности мемуариста; показать адекватную картину описываемых событий и составить верное представление о том или ином герое мемуаров.

Раздел дополняют краткая хроника жизни и творчества Бурнашева, библиографический список его публикаций, указатель периодических изданий, встречающихся в текстах воспоминаний, объемный (73 страницы) аннотированный указатель имен.

Удачно оформление обложки издания, в котором использованы передающие атмосферу старого Петербурга фрагменты гравюр Г. Качалова из книги «План столичного города Санкт-Петербурга с изображением знатнейших оного проспектов, изданный трудами Император-

ской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге» (1753), Оррина Смита (1856), Андре Дюрана из альбома «Voyage pittoresque et archéologique en Russie» (1839), фрагменты иллюстрации неизвестного автора из книги «Императорская публичная библиотека за сто лет. 1893–1914» (СПб., 1914).

«Воспоминания петербургского старожила» дают нам возможность совершить уникальное путешествие по старому Петербургу: познакомиться с анекдотами и слухами, распространяемыми в русском обществе второй половины XIX века, побывать в гостях на балах и в литературных салонах, узнать о кулинарных пристрастиях и подробностях быта современников мемуариста. Они воскрешают тот неповторимый «дух мелочей», который делает давно ушедшее живым, ярким и доступным.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-265-266

© С. А. Дубровская, © О. Е. Осовский

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ТЕРМИНАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАРРАТОЛОГИИ*

Последние десятилетия в России отмечены появлением немалого числа словарей и справочников литературоведческих терминов и понятий. Недавно появившийся «Тезаурус исторической нарратологии» привлекает особое внимание не только инновационным характером своей проблематики, но и выбором своего материала — русской литературы. Экспериментальный характер издания отмечен уже в его подзаголовке, а определение исторической нарратологии дано в аннотации: «новейшее ответвление „нарратологического поворота“ в гуманитарных науках» (с. 2).

Как указывает редактор тезауруса известный российский литературовед, один из основателей отечественной нарратологии профессор В. И. Тюпа, книга созвучна общеевропейскому тренду на создание справочных изданий по исторической нарратологии и перекликается с недавними работами известного немецкого нарратолога В. Шмида (с. 5).

Следует сразу сказать, что идея выстроить подобный словарь на материале российской словесности представляется крайне удачной. Не секрет, что в течение длительного времени нарратология в России воспринималась как закрытая научная субкультура, прежде всего работавшая с теоретическим, а не конкретно-историческим материалом и обсуждавшая проблемы, казавшиеся далекими, к примеру, «чистым» историкам литературы. Видимо,

именно это имеет в виду В. И. Тюпа, когда пишет: «Нарратология долгое время оставалась сугубо теоретической, до известной степени схоластической дисциплиной» (с. 4).

Само соединение нарратологии как науки, имеющей отчетливые западные корни, и русской словесности — достаточно сложный эксперимент, равно как и любая попытка проиллюстрировать теорию материалом одной литературы. Здесь возникают вполне понятные трудности, и в этом, возможно, самое уязвимое место предлагаемого издания: лишившаяся значительной части своего мирового контекста, отечественная словесность оказывается в невольной изоляции. Соответственно, иллюстрация тех или иных терминов примерами из русского сентиментализма или романтизма (абсолютно верных, точных и уместных) кому-то может показаться недостаточной, поскольку для реального русско-европейского диалога и взаимодействия в формировании тех или иных типов повествования, жанровых форм и т. п. места просто не остается. Так, на наш взгляд, размышления о «потоке сознания» у Л. Н. Толстого и Саши Соколова кажутся неполными без упоминания Дж. Джойса или М. Пруста. Но отметим сразу, что это не вина авторов, а следствие взятых на себя ограничений, что никоим образом не сказывается на общей значимости сделанного исследовательским коллективом.

Нет сомнений, что актуализация диахронического подхода в общих границах нарратологии значительно увеличивает ее возможности, а включение в арсенал этой науки этической составляющей, что для В. И. Тюпы

* Тезаурус исторической нарратологии (на материале русской литературы): Экспериментальный словарь / Под ред. В. И. Тюпы. М.: Эдитус, 2022. 316 с.

принципиально значимо, позволяет говорить о новых горизонтах не только исторической нарратологии, но и нарратологии в целом.

Структура тезауруса не проста. Авторский коллектив (А. Е. Агратин, А. А. Еременко, Г. А. Жиличева, В. Б. Зусева-Озкан, Е. Ю. Козьмина, А. В. Корчинский, Я. Е. Красников, Е. Ю. Моисеева, Л. Е. Муравьева, В. И. Тюпа) отказался от алфавитного размещения статей, отдав предпочтение принципу словарных гнезд. Соответственно, 65 терминов представлены в 16 разделах. Поскольку их названия отсутствуют, логично предположить, что «заголовочной» выступает первая статья («Событийность», «Нарративность», «Диегетический мир», «Автор» и др.) и разделы открываются важнейшими для теории нарратива понятиями.

Несомненным достоинством рецензируемого издания видится то, что традиционная для нарратологии усложненность нарративных схем и образующих их (или сопряженных с ними) элементов проясняется благодаря обращению к примерам из русской литературы. Так, размышляя о процессе вербализации наррации, Г. А. Жиличева и В. И. Тюпа приводят многочисленные примеры из «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова, романов Ф. М. Достоевского, Андрея Белого, Вс. И. Иванова, диалогии И. Ильфа и Е. Петрова, рассказов И. Э. Бабеля и постмодернистской прозы 1970–2010-х годов (с. 129–133).

Обращает на себя внимание и заметное расширение терминологического поля, в частности, в активный нарратологический оборот вводятся самые разные понятия М. М. Бахтина — от «события рассказывания» и «романного разноречия» до «полифонии» и «хронотопа». При этом часть из них приобретает новые смысловые оттенки. Особенно это касается круга статей словаря, связанных с феноменом гетероглоссии. Трудно сказать, насколько оправдана замена собственно бахтинского «разноречия» на предложенный М. Холквистом и К. Эмерсон в американских изданиях текстов М. М. Бахтина эквивалент. Очевидно, здесь сыграла свою роль популярность термина «гетероглоссия» в современной западной теории.

Авторы «Тезауруса» не просто хорошо ориентируются в русской литературе и видят смысловые глубины тех или иных произведений,

они тонко чувствуют мельчайшие нюансы текста, что легко заметить по приводимым цитатам. «Ярким примером возрастания роли внутренних (внефабульных) мотивировок истории является роман М. Ю. Лермонтова „Герой нашего времени“ (1838–1840). Наррация в „Фаталисте“, например, строится как чередование эпизодов „общения“ и „уединения“ <...>. Перед этим в „Княжне Мери“ на 48 эпизодов сопричастия персонажей приходится 30 эпизодов, маркированных фразами „я остался один“, „я ушел один“ и т. п. Характерно, что данные сегменты истории тоже часто оканчиваются ситуацией встречи с кем-либо (в комнате, на дороге, на балу и т. д.). Данная конфигурация акцентирует амбивалентное притяжение-отталкивание Печорина с миром „других“, — отмечает Г. А. Жиличева в статье «Наррация» (с. 94–95).

Еще одним несомненным плюсом словарных статей является сам выбор примеров. Соблюдая историческую тактичность, авторы работают в самом широком временном диапазоне — от XVIII века до начала XXI. М. Д. Чулков, А. Н. Радищев, Н. М. Карамзин и А. С. Пушкин оказываются рядом с Б. Л. Пастернаком, М. М. Зощенко, В. В. Набоковым, В. Г. Сорокиным, В. О. Пелевиным, Т. Н. Толстой, Е. Г. Водолазкин и Д. Л. Быковым. Подобная широта добавляет достоверности и фундаментальности наблюдениям и выводам, компенсируя неизбежную лаконичность и даже конспективность отдельных фрагментов статей. Несмотря на это, объем статей заметно превышает традиционные словарные «нормативы», что дает возможность исследователям включать в свои тексты элементы полемики с научными оппонентами и расширяет контуры проблемного поля. В частности, такковы статьи Е. Ю. Козьминой о различных типах повествования и Е. Ю. Моисеевой о метанарративности и метафикциональности.

Выразим надежду на то, что создатели словаря продолжают свою важную и нужную работу и в обозримом будущем появится энциклопедия терминов и понятий исторической нарратологии.

Добавим, что немалым подспорьем для отечественных исследователей стала бы электронная версия «Тезауруса», особенно с учетом крайней ограниченности его тиража.